

Е.Я.Рогов

СТОЛЕТИЕ ОТКРЫТИЯ ПОДСТЕННОГО СКЛЕПА 1012 В ХЕРСОНЕСЕ

EYa. Rogov. A Centenary of Discovery of an Under-wall Crypt No. 1012 in Chersonese.

The article is dedicated to a remarkable site of the Hellenistic epoch, a burial crypt No. 1012, built under the defence wall, discovered in Chersonese of Taurus in 1899. The honor of this discovery belonged to C.C. Costsiushko-Valiuzhinich, outstanding Chersonese researcher of the late XIX – early XX c.

The article reveals a centennial evolution of scholars' opinions on the peculiarities of the crypt as a construction of burial architecture, on its possible belonging to certain historical personalities (e.g. Agasicle). At the end, it offers a supposition that the crypt was a burial place of women representing priestly cast.

Весна 1899 года выдалась в Крыму ранней. В феврале установилась сухая и солнечная, но ветреная погода. С начала февраля К.К.Косцюшко-Валюжинич приступил к продолжению раскопок, остановленных в декабре прошлого года. Работы велись в юго-восточной части городища у самых «Святых ворот», через которые дорога вела в Херсонесский монастырь. Еще в 1895 году здесь были открыты оборонительные стены средневекового города. Тогда же между главной и вспомогательной оборонительными стенами была удалена земля до уровня византийского времени. «Найти стены, башни и ворота древнего Херсонеса на участке городища самом доступном для обозрения — вот задача нынешних обширных раскопок, ...которые было бы желательно не прекращать до тех пор, пока не будет освобождена от земли вся оборонительная стена от монастырских ворот до полукруглой башни на берегу Карантинной бухты (Косцюшко-Валюжинич 1899: 107).

Работы предстояли небывалые по масштабам. К.К.Косцюшко-Валюжинич уже тогда в начале работ хорошо представлял себе, что глубина насыпи до скалы у оборонительной стены между монастырскими воротами и новой монастырской гостиницей составляет около четырёх метров, но поскольку скала сильно понижается к бухте, то наибольшая глубина у пролома в стене ожидалась 6-7 метров. Дело осложнялось ещё и тем, что от ворот скотного двора монастыря между стенами А и Б (Главная и вспомогательная оборонительные стены) проходила дорога, «... представляющая из себя подобие шоссе, для устройства которого был употреблен щебень» (Косцюшко-Валюжинич 1899: 108). Не доходя до монастырских ворот в стене византийской эпохи на одном уровне с дорогой обна-

ружены две калитки а и б, первая калитка имела мраморный порог.

Начатые раскопки обнаружили ниже уровня византийской эпохи искусственную насыпь глубиной около четырёх метров с дорогой сверху. «Внутри этой земляной насыпи совершенно нет характерных признаков, по которым легко и безошибочно определяются наслоения постепенно образовавшиеся в разные эпохи от битой посуды, костей...» (Архив ИИМК РАН. Ф.1. Д. 2А. 1898 Л.25). Выяснилось также, что цоколь стены А византийского времени от пролома в стене и до пристройки (склеп 1013- Е.Р.) оказался поставлен на более древнюю стену.

К осени 1898 года стало очевидно, что и вся стена византийской эпохи до самых «Святых ворот» стояла на более древней стене совершенно иной кладки. Более того, именно в этой более древней стене под калиткой с мраморным порогом К.К.Косцюшко-Валюжинич обнаружил «с внешней стороны стены два шва отвесно опускающиеся вниз в расстоянии 3,65 м друг от друга. Стена между ними была обработана рустиками, но не так старательно; так как швы доходили до самой подошвы скалы, на которой покоится стена, то у меня явились предположение, не находились ли здесь ворота древнего города» (Косцюшко-Валюжинич 1901: 1 и сл.). Необходимо было разобрать заклад ворот и освободить от земли пространство между стенами А и Б до скалы от монастырских ворот (до них оставалось всего 8,5 м) и до пролома, служащего для сообщения со складом древностей.

Этот слой земли начали убирать с двух сторон навстречу друг другу со стороны предполагаемых ворот города и со стороны пролома в стене. К концу февраля 1899 г. оборонительная стена древнего города в этой части была пол-

ностью открыта. В стене действительно оказались заложенные городские ворота. Причем заклад внутри ворот начинался не от самого основания стены, а покоился на слое грунта мощностью 0,7 м, образовавшегося ко времени устройства заклада. Стремясь сконцентрировать работы в одном месте, К.К.Косцюшко-Валюжинич отложил раскопки ворот с внутренней стороны и всю весну вел работы только с внешней стороны оборонительной стены. К началу марта стало ясно, что и стена и ворота стояли в этом месте на скальном основании, скала, по словам автора раскопок, возвышается здесь над уровнем моря на 2,15 м, но затем довольно резко понижается в сторону Карантинной бухты (Косцюшко-Валюжинич 1901: 1).

«При снятии слоя насыпной земли, служившей древней дорогой, в расстоянии 3,9 м. от проема ворот была обнаружена отвесно приставленная к стене толстая плита, низ которой был впущен в вырубленное в скале углубление, как обыкновенно встречается у входа в катакомбы. Цоколь стены и проходившая от ворот дорога совершенно скрывали этот затвор, который не был бы открыт, если бы раскопки не велись до скалы» (Косцюшко-Валюжинич 1901: 3-4). Добавим к этим словам отчета автора раскопок, что плита затвора была укреплена, а точнее подперта несколькими известняковыми камнями, которые, однако, не прижимали плиту плотно к отверстию входа. Между плитой, закрывавшей вход в склеп, которую К.К.Косцюшко-Валюжинич именует затвором, и отверстием входа имела порядочная щель, замазанная глиной высокого качества, «в мягком состоянии глина имела вид оконной замазки, окрашенной охрой».

Склеп открывали 5 марта. «По удалению глины, закрывающей вход, через щель сверху были замечены жженные кости, уголь и зола, между стеной и плитой затвора, оказалась прижатая прямоугловая бляшка из плотного желтого золота... с ажурным изображением уродливой женщины» (Косцюшко-Валюжинич 1901: 2). Плита, несмотря на удаление глины, не позволяла войти в склеп, по всей её окружности был высечен уступ, точно соответствующий форме входного отверстия. Освободить вход стало возможно только после того, как плита была разбита молотом и по частям удалена.

Даже учитывая то, что вход под оборонительную стену сам по себе представляет явление в высшей степени необычное, ничто поначалу не предвещало столь удивительных находок. Остатки сожжения, которые были найдены при входе у самой закладной плиты, хоть и содержали среди угля, золы и жженных костей несколько золотых бляшек и золотой перстень, представляли все же для Херсонеса явление не оригинальное — погребения с золотыми бляшками и перстнями из золота встречались в Херсонесе и ранее.

Неожиданности начались тогда, когда из

склепа были извлечены урны с прахом умерших. Всего было извлечено шесть урн — три глиняных и три бронзовых. Приведем описание непосредственного участника открытия склепа подполковника Цехановского, присутствовавшего на раскопках по личному разрешению К.К.Косцюшко-Валюжинича и опубликовавшего статью об открытии в газете «Новости» за 12 марта 1899 г. № 71. «По личному тщательному осмотру лампочкой производителя работы г. Косцюшко, в гробнице стояло шесть крупных размеров с ручками урн... Из этих урн 3 были бронзовых (по выемке на воздух чудного зеленого цвета) и 3 глиняных. Все эти 6 урн бережно были вынуты на воздух и поочередно расследованы».

История с присутствием г. Цехановского не совсем проста. В рапорте в Императорскую Археологическую Комиссию К.К.Косцюшко-Валюжинич отмечает: «Присутствовавший при расследовании гробницы подполковник Цехановский, несмотря на данное им обещание никуда не сообщать об открытии в течении двух недель, на третий уже день поместил в местной газете, к счастью за своей полной подписью, подробную «корреспонденцию из Евпатории», причинив мне этим большое огорчение т.к. посещающие Херсонес начальствующие лица и граждане Севастополя отрывают меня от спешной работы» (Архив ИИМК РАН Ф1.Д4.1899.л.41).

Ажиотаж в связи с открытием склепа и драгоценностей в нем, по-видимому, действительно был велик. Понятно, что это вызывало неудовольствие Заведующего раскопками в Херсонесе. Через две недели после открытия, 29 марта 1899 г. газета «Крым» информирует читателей о том, что «вчера представлялся Владыке Николаю Заведующий раскопками К.К.Косцюшко-Валюжинич, который ознакамливал Владыку с драгоценностями, открытыми в последнее время. Владыка обещал своё содействие в деле раскопок». В следующем номере газеты за 30 марта появляется небольшая заметка «Вчера 29 марта г.Косцюшко представлялся господину начальнику Губернии, причем подробно ознакомил господина Губернатора со всеми драгоценными находками...». Как видим, интерес проявляли и гражданские, и церковные власти.

Вернемся, однако, к отчету автора раскопок и заметке подполковника Цехановского. Пожалуй, только восторгом дилетанта можно объяснить, восхищение подполковника бронзовыми урнами. В действительности, из отчета мы знаем, что целой была только одна урна и то с отпавшими ручками, две бронзовые гидрии были найдены уже распавшимися и из склепа были извлечены лишь их части (Архив ИИМК РАН Ф1 Д4а 1899 Л.7-8). В трех урнах (одной глиняной и двух бронзовых), кроме жженных костей, ничего не оказалось, ещё в одной глиняной урне — простой гидрии «прекрасной формы с пропорционально правильными частями», помимо жженных костей, найден простой перстень с изоб-

ражением на щитке лука и палицы Геракла. Чернолаковая гидрия, стоявшая первой слева, содержала: золотую диадему в виде двух полос золотой тесьмы, скрепленных «геракловым узлом», пару золотых серег с витой дужкой, оканчивающихся львиными головками, массивный золотой перстень с изображением сидящей Афины с богиней победы Никой в вытянутой руке.

В бронзовой гидрии (распавшейся), стоявшей первой справа, были найдены: золотое ожерелье в виде тесьмы с буковыми подвесками, золотой пояс, состоящий из круглого плетёного жгута и застежкой в виде «гераклова узла», пара золотых подвесок в виде орнаментированных дисков, к которым подвешена лунница с миниатюрной квадригой, управляемой Никой, парные серебряные браслеты с окончаниями в виде бараньих головок, золотой перстень с овальным гладким щитком, серебряный щиток от перстня с изображением Афродиты и Эротов, 11 нашивных бляшек с различными штампованными изображениями.

Драгоценности, найденные в подстенном склепе поставили некрополь Херсонеса в один ряд с некрополями городов Боспора. До этого времени раскопки херсонесского некрополя не считались перспективными, они действительно не давали таких эффектных и многочисленных ювелирных изделий, расписных ваз, какие давали раскопки скифских и боспорских курганов. Корейша, пытавшийся начать работы в Херсонесе в 1846 и 1847 гг., надеялся найти нечто подобное тому, что открывалось в курганах на Тамани и в Пантикапее, однако, проведя два сезона, посчитал за лучшее работу прекратить, как не приносящую ожидаемых результатов. Время показало, что Херсонесу просто требовался такой настойчивый, целеустремленный и преданный исследователь, как К.К.Косцюшко-Валюжинич.

К лету коллекция находок из склепа 1012 вместе с вещами из пристенного склепа 1013, раскопанного тогда же, была упакована и К.К.Косцюшко-Валюжинич лично отвез её в Петербург, в Императорскую Археологическую Комиссию. Большая часть вещей поступила на хранение в Императорский Эрмитаж, шесть золотых бляшек из найденных в склепе и золотой перстень переданы в Императорский исторический музей в Москву. Небольшая часть находок, по общему мнению малоценных, была оставлена в Херсонесе на Складе древностей, а именно, погребальные урны, за исключением горла гидрии с граффито, простая глиняная одноручная чаша, найденная между урнами 1 и 2 в левой части склепа, а также большая часть терракотовых и стеклянных украшений — цикады, виноградные грозди, шарики, цветки, стеклянные кружочки. По одному экземпляру каждого вида украшений было отправлено в Эрмитаж. Таким образом комплекс находок из подстенно-

го склепа оказался разрозненным.

В отчете К.К.Косцюшко-Валюжинич отмечает ещё одно важнейшее условие открытия склепа 1012 — «этими важнейшими открытиями, бесспорно самыми важными из всех сделанных в двадцатилетний период раскопок, производимых в Херсонесе Императорской Археологической Комиссией, наука всецело обязана Всемилоштивейше дарованному 22 августа 1898 года увеличению средств на раскопки, так как при прежнем скромном бюджете не представлялось возможным проводить раскопки на такой глубине» (Косцюшко-Валюжинич 1901: 9).

Обстоятельства, при которых было даровано увеличение средств на содержание Склада древностей и раскопки, таковы. Во второй половине дня 22 августа 1898 года к «Святым воротам» Херсонесского монастыря под колокольный звон подъехала вереница экипажей. Ровно в 5 часов вечера Их Императорские Величества в сопровождении Его Высочества генерал-адмирала Великого Князя Алексея Александровича, Его Высочества Великого Князя Михаила Александровича, министра Императорского двора барона Фридерикса, военного министра генерал-лейтенанта Куропаткина и многочисленной свиты были встречены настоятелем Херсонесского монастыря отцом Александром с братиею. По окончании экземии Их Императорским Величествам были вручены иконы — Государыне Императрице икона Корсунской Божьей Матери, а Государю Императору икона Св. Равноапостольного Князя Владимира. После посещения монастыря Их Императорские Величества изволили проследовать в Херсонесский музей, где с большим вниманием осматривали достопримечательные находки из раскопок (газета «Крымский Вестник» за 24 августа 1898 г. № 154). Это было первое посещение Николаем Александровичем Херсонеса. «Особое внимание Его Величества вызвали древности из некрополя...при обозрении лампочек, хранящихся в особом шкафу, Государь Император изволили заметить, что Его Величеством в бытность в Афинах в акрополе была найдена подобна же лампочка...» (Архив ИИМК РАН. Ф1.Д2.1898.Л.49 и сл.). И, наконец, самое главное, ради чего, собственно, и сделано это отступление — при прощании «у ворот Его Величество изволил осчастливить меня (К.К.Косцюшко-Валюжинича — Е.Р.) пожеланием дальнейшего успеха и сообщил, что в память о посещении Херсонеса, Его Величеству угодно увеличить кредит для раскопок на две тысячи рублей ежегодно» (Архив ИИМК РАН.Ф1.Д2.1898.Л.43). Прибавка весьма солидная, учитывая, что до этих пор весь бюджет составлял только 4 тысячи рублей. Эти-то деньги и дали возможность раскрыть участок оборонительной стены у ворот до скалы и тем самым обнаружить подстенный склеп. История весьма поучительная и для нынешних правителей.

Между тем с публикацией материалов открытого склепа не заладилось с самого начала. Подготовку к изданию в одном из ближайших выпусков «Материалов по археологии России» поручили тогдашнему секретарю Императорского Одесского общества истории и древностей, профессору Императорского Одесского университета А.А. Павловскому, который, кстати сказать, летом 1899 г в Киеве при встрече с гр.

А. А. Бобринским, сам вызвался сделать эту работу. В письме к А.А. Павловскому от 10 ноября граф А.А. Бобринский просит его сообщить Археологической Комиссии о намерениях. (Архив ИИМК РАН Ф.1 Д.255 1899 Л.1). А.А. Павловский в письме от 25 мая 1900 г. в Археологическую Комиссию обещает приступить к подготовке издания уже в июне. (Архив ИИМК РАН Ф.1 Д.255 1899 Л.3).

Однако дело, по всей видимости, затягивается. В январе следующего 1901 года А.А. Павловский просит Археологическую Комиссию профинансировать необходимую ему поездку в Петербург и Севастополь для ознакомления с вещами и местом их находки (Архив ИИМК РАН Ф.1 Д.255 1899 Л.5). Деньги немедленно были отпущены, о чем телеграммой было сообщено в Одессу и, судя по финансовым документам, хранящимся в деле, были переведены 150 рублей для поездки в Петербург и 50 рублей для поездки в Севастополь. А. А. Павловский обещал сдать законченную рукопись в августе 1901 года. Поездки, надо полагать, состоялись. Однако рукопись так и не была сдана.

Из рапорта графа А.А. Бобринского в Канцелярию Министерства Императорского Двора в марте 1903 года по поводу намерений Московского археологического общества и графини А. Уваровой получить средства на полное издание материалов раскопок в Херсонесе следует, что работа над рукописью А.А. Павловским еще не была завершена. (Архив ИИМК РАН Ф.1 Д.2 1902 ч. II Л.106). Неизвестно была ли вообще закончена рукопись, но во всяком случае в Археологическую Комиссию она не поступила и соответственно находки из склепа 1012 в «Материалах по археологии России» изданы не были.

Лишь четверть века спустя к этим материалам обратился К.Э. Гриневиц. До этого существовал лишь краткий перечень находок, опубликованный К.К.Косцюшко-Валюжиничем сначала в «Отчетах археологической комиссии» за 1899 г. и затем почти дословно повторенный в первом номере «Известий археологической комиссии». Перед Первой мировой войной информация о находках в херсонесском склепе была помещена Е. Миннзом в его капитальном труде о Северном Причерноморье (Minns 1913). Несколько строк посвящено этому памятнику в популярном очерке о Херсонесе Таврическом Е.Э. Иванова, изданном в №46 «Известий Таврической Ученой Архивной Комиссии»

К.Э. Гриневиц ничуть не преувеличивал, когда писал, что ему пришлось браться за эту работу заново, т.е. начинать с самого начала. Материалы склепа позволяли датировать возведение нижнего яруса оборонительной стены города — это хорошо понимал ещё К.К. Косцюшко-Валюжинич. Именно с этой точки зрения этот памятник рассматривал К.Э. Гриневиц, посвятив анализу вещей из подстенного склепа отдельную главу своего исследования о стенах Херсонеса (Гриневиц 1926: 10-40). Важно при этом иметь в виду, что он не ставил задачи исследования, публикации и интерпретации всех материалов склепа, но анализировал только те, которые, по его мнению, способны дать надежную дату. Выводы, к которым пришел К.Э. Гриневиц относительно даты строительства склепа и продолжительности его функционирования до сих пор остаются в силе.

Надо полагать, что не без влияния работы К.Э. Гриневица, бывшего в ту пору директором Херсонесского музея, в стенах Государственного Эрмитажа была подготовлена к печати небольшая книга А.П. Манцевич «Ein Grabfund aus Chersonnes», изданная в 1932 г. в серии Сообщений Академии истории материальной культуры (Mantzewitsch 1932). По сути дела был наконец-то издан каталог находок, хранящихся в Эрмитаже, с прибавлением нескольких фотографий предметов, присланных К.Э. Гриневицем из Херсонеса. Вещи, поступившие на хранение в Исторический музей, а также большинство из хранившихся в Херсонесе в публикации не вошли.

Хранившиеся в Историческом музее вещи, впервые изданы много лет спустя Н.В. Пятышевой (Пятышева 1956). Среди многочисленных ювелирных изделий из драгоценных металлов, происходящих из раскопок Херсонеса и поступивших на хранение в Исторический музей, обнаружилось шесть золотых пластин из склепа 1012. Позднее было установлено, что опубликованный Н.В.Пятышевой золотой перстень с гладким щитком и золотая пластина с изображением «змееной богини» (Пятышева 1956: №5: 12, №7: 13) также происходят из захоронения в дромосе склепа 1012 (Пятышева 1971: 103). По большей части, в своих работах Н.В. Пятышева повторяла многое из того, что уже было высказано К.К. Косцюшко-Валюжиничем и К.Э. Гриневицем. Задавшись целью пересмотреть датировку вещей из склепа, она допустила ряд досадных неточностей и ошибок, в результате чего даты вещей оказались необоснованно завышены. Она отнесла строительство юго-восточного участка оборонительной стены и соответственно подстенного склепа ко времени не ранее середины III в. до н.э. (Пятышева 1956: 9,12-13), связав это событие с Агасиклом (Пятышева 1971: 106).

Пожалуй, этим и исчерпывается перечень работ, в которых рассматриваются находки из

знаменитого склепа.

Особняком стоит небольшая статья Е.Н. Жеребцова, в которой нет анализа вещевого материала, но делается попытка опровергнуть «преднамеренное конструктивное согласование» склепа 1012 и главной оборонительной стены города. По его мнению, склеп и стена сооружения одновременные, причем склеп относится к той части некрополя, который существовал здесь ещё до постройки оборонительной стены, последняя же просто его перекрыла (Жеребцов 1979: 34-36).

В действительности Е.Н. Жеребцов беззастенчиво вводит читателя в заблуждение и, надо отметить, не без успеха (см., например: Золотарев 1998: 30). Если мы вернемся к материалам раскопок и рассмотрим конструкцию склепа, то вся абсурдность этой трактовки станет очевидной.

Напомню, что после снятия грунта до скального основания между оборонительной (А) и вспомогательной (Б) стенами, в 3,9 м от проема ворот у самого основания стены была найдена толстая, стоявшая отвесно плита, закрывавшая вход. Судя по фотографиям и чертежу, плита была установлена в полуовальном углублении перед входом в склеп. Сам склеп имеет Т-образную форму и состоит из дромоса (входного коридора) и собственно погребальной камеры, расположенной перпендикулярно к дромосу. Размеры сооружения приведены в отчете К.К. Косцюшко-Валюжинича: длина дромоса 1,42 м, ширина 0,53 м, высота 0,75 м; сложен из хорошо обработанных и тщательно пригнанных известняковых блоков. К.Э. Гриневич называет кладку нижнего яруса ворот и куртины 16 простой квадратной кладкой или «классической» (Гриневич 1926: 46). Восточная стена дромоса при входе в него составлена из двух известняковых блоков, уложенных на ребро, западная из трех, положенных плашмя, абсолютно аналогичных блокам, составляющим кладку нижних рядов оборонительной стены. Покровная плита с дугообразным вырубом, который точно соответствует ширине входа в дромос, горизонтальной верхней гранью не менее точно стыкуется с кладкой нижнего яруса оборонительной стены, никак не нарушая рядности кладки. Собственно, это было очевидно с самого начала.

Такой опытейший раскопщик, каким был К.К. Косцюшко-Валюжинич, сразу понял важность соотношения стены и склепа и после тщательного осмотра открытого сооружения уже более не мог сомневаться: стена и склеп построены одновременно. Но, чтобы устранить всякие сомнения, телеграммой из Ялты был вызван блестящий знаток строительного дела древногерсонеса Александр Львович Бертъе-Делагард. В рапорте в Археологическую комиссию, отправленном 12 марта, т.е. через неделю после открытия, автор открытия сообщает, что «Александр Львович как военный инженер выс-

казался по поводу открытой гробницы, что это по-видимому отгороженная для богатого погребения часть потайного хода под оборонительной стеной, то что теперь в крепостях называют минной галереей» (Архив ИИМК РАН Ф.1 Д.2 1899 Л.41). Однако, уже на следующий день после отбытия в Ялту А.Л. Бертъе-Делагард отправляет в Херсонес письмо, в котором уточняет свои выводы. «Хотя я и не видывал и не слышал ни о чем подобном, но камеру, выделенную в стене, должно признать могилою и ничем больше... приходится думать, что гробница сложена бесспорно одновременно со стеной и воротами» (Архив ИИМК РАН Ф.1 Д.2 1899 Л.41), и сомневаться в этом своем заключении он уже никогда оснований не видел.

Погребальная камера самого склепа представляет собой коридор длиной 7,55 м, шириной 0,62 м и высотой 0,81 м. Западная её часть вырублена в скале, имеющей в этом месте естественное и довольно резкое падение. Восточная часть впущена в щебенчатый грунт (Жеребцов 1979: 36) скорее всего искусственного происхождения. Судя по результатам исследований экспедиции ГИМ в 1946 и 1948 годах, оборонительная стена к востоку от ворот, где уровень скалы понижается, была поставлена на искусственно созданную субструкцию, состоящую из чередующихся слоев мелкого бута в глине, черепков, песка и угля (Пятышева 1956: 9). Именно в эту субструкцию и был впущен низ восточной части камеры склепа.

Западной торцовой стеной камера не доходила до проема ворот только на 0,8 м, т.е. вплотную подходила с внутренней стороны к кладке ворот. Кладка оборонительной стены покрывает только дромос, что и понятно, поскольку основное тело оборонительной стены представляет собой бут из глины и камня. В этом-то буютом заполнении оборонительной стены и находится погребальная камера склепа. Подтверждается это наблюдениями, сделанными после того, как во время Великой Отечественной войны восточная стена склепа оказалась пробитой (Жеребцов 1979: 36, прим.8).

Склеп сложен насухо из тщательно обработанных и подогнанных известняковых плит, перекрытие состояло из таких же плит. Под потолком с обеих сторон камеры и дромоса симметрично устроены вырубывы в плитах 0,18 м длины и 0,13 м ширины. Без всякого, сомнения в эти вырубывы изначально были вставлены деревянные балки для дополнительного крепления кладки покровных плит потолка. В дромосе на 1,45 м его длины было две балки, в камере при её длине 7,55 м восемь балок. Поскольку балки находились на равном расстоянии друг от друга, а именно так показано на плане, то в правом и левом отсеках камеры они располагались приблизительно через 0,75 м.

Усиление потолка камеры склепа и дромоса К.Э. Гриневич считал необходимым на пер-

вое время для более равномерной кладки тяжелого каменного потолка, не соглашаясь с мнением А.Л. Бертье-Делагарда, полагавшего необходимость балок для более равномерной осадки стены. Предмета для дискуссии здесь нет — оба объяснения только дополняют одно другое. Строители зная, что на потолок будет давить огромная тяжесть, приняли меры к дополнительному укреплению потолка склепа деревянными брусками, которые обеспечивали и более равномерную кладку перекрытия и равномерность осадки. Эти конструктивные особенности устройства подстенного склепа неопровержимо доказывают наличие согласования конструкции склепа и оборонительной стены. Поэтому попытки усомниться в одновременности строительства стены и склепа должно ответить как абсолютно надуманные.

В качестве одного из признаков одновременности этих сооружений Е.Н. Жеребцов считает не параллельность осевых линий стены и склепа (Жеребцов 1979: 36). Между тем, совсем не очевидно, что строгая их параллельность обязательна — они параллельны ровно настолько, насколько это необходимо. Расхождение между осевыми линиями настолько незначительно, что не может приниматься как серьезный аргумент одновременности их возведения — коридор склепа, как помним, находится в бутаковом заполнении стены и уже по этой причине строгая параллельность осевых линий стены и склепа не была обязательной.

Если допускать одновременность сооружения этих объектов, то придется прибегнуть к совершенно фантастическим объяснениям — в этом случае архитектор и строители вынуждены были бы привязать направление главной оборонительной стены города к входу в склеп, построенному в этом месте ранее, более того выводить лицевую кладку стены точно по отверстию входа. А.Н.Щеглов обратил мое внимание на существование вертикальных маркеров намеченных строителями на лицевой поверхности стены во время ее возведения, маркеры расположены симметрично входу в склеп справа и слева от него.

Абсолютно беспочвенно и предположение о существовании на этом месте участка некрополя, обнесенного оградой, внутри которой располагались ступенчатые гробницы, склеп 1012 и т.н. «нимфей», который также интерпретируется как погребальный склеп (Жеребцов 1979: 34-36). Действительно, когда К.К. Кюсюшко-Валюжинич возле южного пилона открыл гробницу «египетской кладки», он посчитал её остатками прежде существовавшего здесь кладбища. К.Э. Гриневиц, отмечая крайнюю загадочность этой гробнички-кенотафа, сомневался в том, что некрополь в этом месте существовал (Гриневиц 1926: 49). Как будто остатки ещё двух таких же гробниц прослежены в проеме городских ворот уже в послевоенное время (Жеребцов 1979: 34).

Между тем, ступенчатые гробницы ни на одном из участков городского некрополя не известны вплоть до римского времени. В римское время такие гробницы сооружались здесь же на южном участке городского кладбища с внешней стороны оборонительной стены между башнями XIII и XIV (Зубарь 1982: 21-22).

Что же касается так называемого «нимфея», который интерпретируется как погребальное сооружение — склеп смежный со склепом 1012 (Жеребцов 1979: 43-44), то прежде, всего следует сказать, что полностью объект раскопан не был, стратиграфия заполнения не могла быть выяснена из-за мощного поступления грунтовых вод, а материал за исключением клейма не обработан и не изучен. Часть заполнения так и осталась под оборонительной стеной города, причем, неизвестно, какова эта часть и, соответственно, нельзя сказать однозначно, какова конфигурация этого сооружения. Заполнение раскрытой части «нимфея» датируется 70-60 ми годами IV в. до н.э. — не позже 60-х годов (Кац 1966: 11). Надо полагать, что ко времени сооружения склепа 1012 «нимфей» уже несколько десятилетий стоял полностью засыпанный мусором.

Против того, что «нимфей» был сооружением погребальным, приведем ещё один, но весьма существенный аргумент — вырубные в скале склепы как особый тип погребального сооружения появляются в Херсонесе только на рубеже новой эры и были привнесены в погребальную практику, скорее всего, из Восточного Средиземноморья (Зубарь 1982: 26-28). Во всяком случае, в первой половине IV в. до н.э. подобных погребальных сооружений не встречается не только в некрополе Херсонеса, но и во всем Северном Причерноморье. Именно поэтому считать «нимфей» сооружением погребального характера явно не следует.

Ещё раз необходимо подчеркнуть, что склеп 1012 имеет неразрывную конструктивную связь с главной оборонительной стеной города, построен одновременно с нею, и никаких препятствий для того, чтобы использовать материалы склепа для датировки юго-восточного участка стены, нет.

Итак, после вскрытия склепа в нем было обнаружено 7 погребений — шесть в урнах и одно при входе в дромос без урны. К.К.Косцюшко-Валюжинич отмечает, что сожжение последней умершей было произведено непосредственно перед входом в склеп, о чем свидетельствуют следы горения зафиксированные в процессе раскопок. Отмечалась также поспешность, с которой совершено захоронение выразившаяся в том, что пепел, кости и вещи были свалены в кучу в дромосе, «при этом отсутствовало близкое лицо, которое озабочено было бы о должной торжественности погребального обряда».

Представляется, что сам факт помещения

останков при входе говорит скорее не об отсутствии должной торжественности и небрежности, а об уверенности, что больше подхоронений в склепе не будет, хотя места в склепе оставалось ещё вполне достаточно, никаких подхоронений больше совершенно не было.

С этим седьмым погребением вообще много неясного. Основное внимание как правило уделялось тем погребениям в которых были найдены золотые ювелирные изделия, это захоронение выпадало из поля внимания исследователей. Между тем, перечень находок из этого погребения позволяет судить о том, что находки принадлежат разным предметам, а не одной только шкатулке, как полагал К.Э.Гриневич (Гриневич 1926: 39). Итак, что же здесь было найдено?

1. Золотой перстень с плоским гладким щитком, подобный как отмечает К.К.Кюсцюшко-Валюжинич, перстню из гидрии стоявшей первой справа от входа.

2. Бесформенная золотая пластина.

3. Золотая пластина с изображением «змееногой» богини.

4. Две нашивные бляшки с тисненым изображением головы Силена.

5. Четыре золотые бляшки с тисненым изображением цветка лотоса.

6. Золотая конусовидная помятая подвеска.

7. Восемь стеклянных полусферических кружков.

8. Пятьдесят два терракотовых шарика со следами позолоты

9. Три терракотовых позолоченных цикады.

10. Три терракотовых позолоченных виноградных грозди.

11. Десять терракотовых «гвоздиков» с широкими шляпками.

12. Тридцать шесть обломков костяного ларчика.

13. Пятьдесят четыре бронзовых гвоздика с плоскими шляпками.

Все вещи изданы в каталоге А.П. Манцевич, здесь же приведены фотографии некоторых из них (Manzewitsch 1932 Taf.III 2-7).

Мысль К.Э.Гриневича о том, что большинство этих предметов принадлежит ларцу, «украшенному снаружи терракотовыми прилепами» вряд ли справедлива. Уже первый взгляд на эти вещи приводит к впечатлению, что они остались от разных предметов. Ларец безусловно был и был конечно сделан из дерева. Те самые 54 бронзовых гвоздика с плоскими шляпками несомненно от ларчика. По всей видимости, ими крепились костяные пластины тончайшей резьбы с изображениями розеток, карнизов, акротериев, остроконечных фризов и др. Все остальные предметы скорее всего не имели отношение к ларцу — и в стилистическом и в функциональном отношении они не сочетаются с тончайшей резьбой по кости. Приводимые Гриневичем примеры (Гриневич 1926: 39) явно

неудачны — хорошо известно, что саркофаги украшались гипсовыми, а не терракотовыми накладками.

Из общего числа «простых» предметов, прежде всего, следует обратить внимание на золотые пластины. Всего их найдено 7 или, быть может 8, если учитывать и пластину совершенно утратившую форму. Они разных размеров — пластины с изображением бородатой головы и пластины с цветком лотоса имеют высоту 1,9-2,0 см, ширину около 1,5 см, если точнее, то по верху 1,6 см, по низу 1,4 см (Пятышева 1956: 11), т.е. форма их трапецевидная, по краям имеют по 6 или по 7 дырочек для крепления к основе, большинство дырочек пробиты снаружи, но некоторые изнутри. Пластина с изображением «уродливой женщины», которую Пятышева обозначает как изображение «змееногого» божества, имеет размеры 3,1 x 3,0 см, т.е. она почти в два раза шире и на треть выше пластин с изображением бородатой головы и цветка лотоса. Пластина с изображением «змееногой» богини аналогична пластинам с таким же изображением из урны 5, но сохранность её намного хуже, есть все основания считать, что первоначальные размеры пластины были такими же, что и у пластин из урны 6 — 3,7 x 3,1 см, т.е. она была почти в два раза больше пластины с изображением бородатой головы и цветка лотоса. Совершенно ясно, что все найденные в погребении пластины составляют один изобразительный ряд и были нашиты на какой то один предмет. Гриневич полагал, что бляшки пришивались на платье, в которое была одета покойница (Гриневич 1926: 36) Однако, нет никаких серьезных оснований считать бляшки нашитыми на платье. Куда вероятнее предполагать, что эти пластины оформляли головной убор. Это был головной убор типа калафа из кожи или войлока, на который были нашиты золотые пластины, диадема на кожаной основе либо кожаная головная повязка. Небезынтересно, что и сама богиня, изображенная на пластине, одета в такой же головной убор типа калафа; он хорошо виден на пластинах лучшей сохранности (Лесков, Лаяпушнян 1987: 111, №87). Разумеется, сам головной убор восстановить невозможно, но судя по тому, что одна из пластин почти вдвое больше остальных, не будет чересчур смелым предположить — передняя часть головного убора была выше боковых и пластины были нашиты не плотно в ряд, а на некотором расстоянии друг от друга. В погребении 4 Большой Близницы, где восстанавливается второй калаф, было найдено 11 чеканных фигур — из них три фигуры шириной по 8 см. каждая, остальные шириной по 4 см (Мирошина 1983: 15)

Скорее всего, этому же головному убору принадлежат и 8 полусферических кружков из светло-зеленого стекла. Четыре экземпляра, хранящихся в Государственном Эрмитаже, неодинакового размера- диаметр их от 1,5 до 2,0 см

(Manzewitsch 1932: 8), одним словом, среди них есть более крупные, которые могли крепиться на передней части головного убора, и есть меньшего размера для боковых поверхностей. Если это так, то крепились они под фризом из золотых пластин.

Однако, этим вовсе не исчерпывается набор находок, сделанных в этом погребении. Начнем с терракотовых шариков (ядрышек), как их именует К.К. Косцюшко-Валюжинич. Это небольшие размером 0,7-0,9 см. слегка уплощенные терракотовые шарики, точнее будет сказать, что форма их сходна с чечевичными зернами. Каждый из шариков имеет несквозное отверстие для бронзового штифта, в некоторых шариках они сохранились. Поверхность покрыта позолотой. Всего из пепла было высеяно 52 таких шарика, надо надеяться, что все или, по крайней мере, большая их часть.

Думаю, нет оснований не соглашаться с А.П. Манцевич, считавшей, что шарики имитируют плоды, украшавшие погребальный венок. В качестве примера она сослалась на венок из Большой Близницы (Manzewitsch 1932: 8). Правда, она допускала и иную трактовку — терракотовые предметы могли входить в состав шейного украшения. Есть, однако, одно обстоятельство, которое позволяет отказаться от последней трактовки. Точно такие же шарики были встречены — не в таком, конечно, количестве — при раскопках Херсонесского некрополя ещё дважды. Первый раз в 1901 г. на южном участке в могиле 1046 было найдено четыре шарика вместе с двумя так называемыми гвоздиками (о них ниже) и бронзовой херсонесской монетой квадрига/воин (Зограф 1951: XXXV). Второй раз в 1907 году на юго-западном участке некрополя в могиле №5 1907 (раскопки Р.Лёпера. Архив ХГМЗ д.61. вкладной лист 2) Последняя находка важна тем, что вместе с двумя позолоченными терракотовыми шариками был найден золотой листочек от венка или от веточки. Это указание на связь шариков с венком заставляет рассмотреть эту версию подробнее. Вполне вероятно, что на покойной из склепа 1012 перед сожжением помимо головного убора (калафа, диадема, повязка?) был надет и венок. В этом нет ничего невероятного — двойные головные украшения встречаются не так уж редко. М.И.Ростовцев вообще соединяет калаф и стленгиду в один головной убор (Ростовцев, Степанов 1917: 74). В погребении 7 в Малой Близнице вместе с диадемой был найден венок (ОАК за 1882-1888. Спб 1891. Табл. VII. 2. 13), венок был найден вместе со стленгидой также и в кургане 1881 г. у Анапы (ОАК за 1881 Спб. 1883. Табл. I. 1).

В нашем случае венок был изготовлен, скорее всего, не из золота, а из какого-то органического материала и лишь позолочен — отсюда и позолота терракотовых предметов. Терракотовые цикады, виноградные грозди, так назы-

ваемые гвоздики вполне надежно подтверждают предположение о наличии венка. Следует обратить самое пристальное внимание на то, что все терракотовые изделия имеют одну общую для всех деталь, а именно, не сквозное отверстие с остатками бронзовой проволоки, которой они крепились к венку. Виноградные гроздья, шарики и цикады покрыты позолотой, «гвоздики» сверху покрыты белой краской, снизу коричневой. Разумеется это никакие не гвоздики, с которыми они имеют весьма поверхностное и формальное сходство — это цветки какого-то, скорее всего, зонтичного растения. В венках, имитирующих миртовые, плющевые, лавровые, виноградные, дубовые и различные другие листья, нередки плоды и цветы (Уильямс, Огден 1995 № 10, 60, 105, 113, 115; Pfrommer 1990: Taf. 6.1).

Виноградные грозди довольно часты в венках на росписях краснофигурных сосудов. Совершенно аналогичные нашим фигурки цикад только выполненные из золота мы находим на золотом дубовом венке, хранящемся в Британском музее (Уильямс, Огден 1995 № 60, рис 35). А.П.Манцевич на виноградной грозди отметила остатки позолоты на стебле из бронзовой проволоки, часть от которой сохранилась в углублении терракотовой грозди (Manzewitsch 1932: 8). Это означает, что и основа венка, изготовленная скорее всего из бронзовой проволоки, была тоже позолоченной.

Таким образом, женщина, захороненная в дромосе у входа в склеп, была положена на погребальный костер в двойном головном уборе — помимо калафа (диадемы или повязки), на её голову был надет и венок из листьев с плодами, цветами и цикадами.

Второй головной убор, по всей видимости, аналогичный или очень близкий первому, происходит из сожжения в урне, стоявшей в погребальной камере первой справа. Здесь, также как и в только что разобранным нами случае, были найдены золотые пластины все того же размера и того же типа, отличается только их количество. Всего было найдено одиннадцать пластин: две с изображением женского божества, четыре с изображением цветка аканфа и пять с изображением бородатой мужской головы. Судя по тому, что число пластин не четное, можно с достаточной долей вероятности предположить — пластины располагались на головном уборе не в один ряд, а в два. При этом передняя часть головного убора должна была быть достаточно высокой, что бы на ней могло размещаться два ряда пластин — в верхнем ряду пластины с изображением женского божества, в нижнем чередующиеся пластины с изображением цветка аканфа и пластины с изображением бородатой головы. В любом другом случае не получается симметрии в расположении пластин, а она по всей вероятности должна быть.

По данным Т.В.Мирошиной, в Северном При-

черноморье известно 16 головных украшений V-III вв. до н.э., выполненных из золота. Большая их часть найдена в некрополях городов Боспора, несколько происходят из Ольвии (Мирошина 1983: 10-15); к их числу теперь следует присоединить и украшения из Херсонеса.

К.К. Косцюшко-Валюжинич не сомневался в том, что им открыта семейная гробница, более того, он надеялся найти такие же подстенные гробницы и при раскопках стены далее к западу или в иных её частях, но эти надежды не оправдались. Понимая уникальность открытой гробницы, К.К.Косцюшко-Валюжинич должен был дать какое то объяснение: «...описанная гробница принадлежала высшему сановнику города, быть может стено и воротостроителю, ибо кому же из простых смертных дозволили бы часть важного строительного сооружения... превратить в семейный склеп» (Архив ИИМК РАН Ф.1.Д.2 1899 Л.42). К.К. Косцюшко-Валюжинич такое лицо видел в Агасикле, сыне Ктесия. К.Э.Гриневич принимает предположение К.К. Косцюшко-Валюжинича, но и он осторожно пишет: «все, взятое вместе, позволяет в нашей гробнице видеть фамильный склеп подобного (Агасиклу, сыну Ктесия — Е.Р.) гражданина Херсонеса, игравшего, несомненно, крупную роль в жизни родного города». Н.В. Пятышева допускала, что склеп мог быть построен Агасиклом, но умер он раньше окончания работ и местом его упокоения стал Шверинский курган (Пятышева 1971: 105-106). Почему именно в Шверинском кургане должен был найти упокоение Агасикл, она не пояснила.

Н.В.Пятышева совершенно справедливо подметила, что в склепе нет детских захоронений, и что «такой внимательный и опытный исследователь, как К.К.Косцюшко-Валюжинич, сразу бы отметил детское погребение в какой-нибудь из урн, если бы таковое там было», и далее в сноске: «В склепе 1013, приставленном к наружной части крепостной стены. К.К.Косцюшко-Валюжинич среди многих урн с кремацией отметил несколько детских прахов» (Пятышева. 1971: 106). Добавим, что оба склепа открывались одновременно в начале марта 1899 г.

Но самое удивительное заключается в том, что в склепе, по всей видимости, нет и мужских захоронений, по крайней мере никаких определенно мужских вещей в нем не найдено. Три урны не содержали кроме пепла и жженных костей никаких вещей (Урны № 1, №2 и № 6 по нумерации Гриневича). В урне №3 единственным предметом, сопровождающим погребение, оказался золотой перстень с изображением на щитке лука и палицы (о перстне см. Калашник 2000: 280-283). Автор раскопок, а вслед за ним и К.Э.Гриневич, основываясь на отсутствии украшений и туалетных принадлежностей, считали это погребение мужским. Между тем, размер перстня не позволяет согласиться безоговорочно с такой трактовкой — это самый маленький

перстень из всех найденных в склепе, диаметр его 1,7 см, и он явно не годился для мужской руки. Понятно, что размер перстня ещё недостаточное основание для безоговорочного определения погребения как женского, однако в равной степени он не является аргументом и в пользу его мужской принадлежности. Напомню только, что в достоверно женском погребении в дромосе золотой перстень имел диаметр 2,0 см, в урне № 4 помимо женских украшений найден перстень с изображением на щитке сидящей Афины, его диаметр 2,0 см и второй перстень диаметром 1,9 см ; урне №5 также определенно женском погребении, был перстень, аналогичный найденному в погребении у входа, диаметр этого перстня — 2,1 см. Так что некоторые основания считать, что и в урну №4 были ссыпаны остатки, принадлежавшие женщине, все же есть.

Более того, в урнах №4 и №5 были похоронены остатки женщин в таких нарядах, в каких вряд ли ходили жены или дочери даже весьма состоятельных херсонесских чиновников. В урне 4 были найдены: золотая диадема, золотые серьги с львиными головками и два золотых перстня. В урне №5 — головной убор типа калафа (м.б. диадема или повязка), знаменитые мелкофигурные серьги-подвески, золотой пояс с застежкой в виде гераклова узла (это конечно же не шейное украшение, как считается обычно, примеры таких поясов см. Frommer 1990 Taf.16), два серебряных браслета с парными бараньими головками и два перстня — один золотой и один серебряный с головой Афродиты. Наконец, при входе в склеп лежали остатки женщины, сожженной на костре, на которой был надет такой же головной убор типа калафа и венчик, на пальце был надет перстень. Ничего подобного этим украшениям ни до раскопок этого склепа ни после в Херсонесе найдено не было.

Возьму на себя смелость утверждать, что эти женские наряды жреческие. Перед нами захоронения не женщин из богатой херсонесской семьи, а жриц, причем последовательные захоронения Таким образом, становится очевидно, что и сам склеп жреческий, построен специально для этой цели и в самом почетном и значимом для города месте — у ворот и под оборонительной стеной. С этой точки зрения становится понятно место, выбранное для склепа — жрицы и после смерти должны были охранять и оберегать город. Сам факт нахождения погребений жриц под городской стеной обеспечивал оборонительной стене и городским воротам покровительство богини, которой служили жрицы при жизни.

Примечательно, что для Херсонесского некрополя не характерны семейные гробницы — захоронения на всех участках городского кладбища совершались преимущественно в индивидуальных могилах. Наверняка, конечно, суще-

ствовали семейные участки, но если таковые были состояли они все же из индивидуальных могил. Подхоронения встречаются в некрополе довольно редко, для этого времени известно не более десятка таких могил, причем количество погребенных в них не превышает трех человек, об этом же свидетельствуют и надписи на надгробиях. Имеется только одно исключение из этого правила — могила 1517-1522, открытая между монастырской гостиницей и прямоугольной башней Д.. По конструкции могила близка склепу 1012, по крайней мере, напоминает его — пятиметровой длины канава, вырубленная в

материковой скале, 0,55 м глубины и 0,45 м ширины; перекрыта известняковой плитой. Могила содержала 6 урн с сожжениями. Учитывая, что хронологически могила 1517-1522 предшествует склепу 1012, она вполне могла быть прототипом склепа.

Минуло сто лет со дня открытия уникального памятника — подстенного склепа 1012 в Херсонесе. К сожалению, так сложилась его судьба в науке — остаться блестящим, но мало известным и малоисследованным явлением. Хочется надеяться, что полная его публикация ещё впереди.

ЛИТЕРАТУРА

- Гриневич К.Э. 1926. Стены Херсонеса Таврического. // Херсонесский сборник № 1.
- Жеребцов Е.Н. 1979. Новое о херсонесском склепе 1012 // КСИА, № 159
- Зубарь В.М. 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н. э. Киев
- Зограф А.Н. 1951. Античные монеты // МИА №16
- Калашник Ю.П. 2000. Перстень-печать из херсонесского склепа № 1012 // Сборник памяти Ю.В.Андреева. С-Петербург.
- Кац В. И. 1966. Массовый материал конца V-IV вв до н.э. как источник по истории торговли Херсонеса в позднеклассическую эпоху // Тез. Докл. Конференции. Борисоглебск
- Косцюшко-Валюжинич К.К. 1899. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1899 году // ОАК. Санкт-Петербург
- Косцюшко-Валюжинич К.К. 1901. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1899 году // ИАК. Вып.1.
- Лесков А.М., Лапушнян В.Л. 1987. Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. Москва
- Миросина Т.В. 1983. Греческие головные украшения Северного Причерноморья // КСИА № 174
- Пятышева Н.В. 1956. Ювелирные изделия Херсонеса // Труды ГИМ, Вып.XVIII, Москва.
- Пятышева Н.В. 1971. Материал склепа №1012 и его значение для истории Херсонеса эллинистического времени // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. Москва.
- Ростовцев М.И., Степанов П.К. 1917. Эллино-скифский головной убор // ИАК. вып. 63
- Уильямс Д., Огден Д. 1995. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V-IV века до н.э. Санкт-Петербург.
- Manzewitsch A. 1932. Ein Grabfund aus Chersones. Leningrad.
- Minns E.H. 1913. Scythians and Greeks. Cambridge.
- Pfrommer M. 1990. Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks. Tübingen.